



В. И. ГЕРЬЕ

Император Александр I и Наполеон

<Фрагмент>

<...> За последнее время в нашей литературе замечается склонность выставлять как причину отечественной войны исключительно торговые интересы — континентальную систему, придуманную Наполеоном для борьбы с Англией. Эта склонность находит себе опору в модной теории об экономических основах всех исторических событий и в материалистической (марксистской) школе в историографии. Эту модную теорию можно встретить не только у дилетантов в истории, но и у серьезных исследователей-специалистов. Один из них, например, находит, что упреки Наполеону в честолюбии совершенно не выдерживают критики; что современная наука руководящим началом считает не лица, а факторы, часто проявляющиеся вопреки личным желаниям. Такие факторы по преимуществу экономические, от которых в значительной степени зависит основной ход событий и человеческих дел. С этой точки зрения приводимый нами автор восстает против «героической легенды двенадцатого года», «до последнего времени мешавшей строго научному исследованию причин, вызвавших отечественную войну». Легенда эта, по словам этого автора, объясняла вражду Наполеона к России тем, что он был исключительно движим безмерным честолюбием, безумной прихотью и верою в неизменность своего счастья.

Иные последователи этого направления готовы ради своей теории упразднить самого Наполеона! Этот вождь Великой армии представляется им «государственным деятелем, служившим интересам французской финансовой и торговой буржуазии боровшейся с английской буржуазией!» Таковы итоги усовершенствованного метода! Но так ли это?

В Тильзите, по заключении мира между Наполеоном и Александром, обоими государями был подписан и союзный договор, в силу 5-й ст. которого Россия принимала на себя обязательство, если

Англия к 1 декабря не согласится на мир с Францией, — вернуть последней отнятые у нее колонии, закрыть английским кораблям доступ в свои гавани и объявить Англии войну. Закрытие европейских портов английским кораблям имело, по мысли Наполеона, целью подорвать торговлю и благосостояние Англии, а запрещение ввоза колониальных товаров должно было разорить крупные фирмы, монополизировавшие торговлю сахаром и кофе, и вместе с тем подорвать и банки, кредитовавшие эти фирмы. России прекращение торговли с Англией наносило большой ущерб, так как стесняло вывоз русского хлеба. Но пока кораблям «нейтральных» держав разрешался доступ в русские гавани, положение еще было терпимо. Когда же Наполеон убедился, что под нейтральным флагом большею частью торгуют английские фирмы, и стал требовать от России, чтобы она приняла более строгие меры против всякого обхода континентальной блокады, — отношения между союзниками стали ухудшаться. Привели ли бы, однако, неудовольствия, возникшие на этой почве, к войне между союзниками — это еще большой вопрос! Несомненно, что Наполеон очень дорожил союзом с Россией, даже чисто формальным, чтобы отвлечь Россию от союза с Англией; но несомненно также, что Наполеон не раз настаивал на том, что считает недостойным для государства вести войну из за меркантильных интересов. *Эти интересы были для него последним делом* (le cadet de mes soucis). Главное же дело в том, что самая континентальная система была для Наполеона лишь средством для борьбы с Англией, эпизодом в вековом соперничестве между Францией и Англией, продолжавшемся почти непрерывно с конца XII века.

А помимо того было немало других причин, подкапывавших союз между Александром и Наполеоном. На первом месте здесь должен быть поставлен Польский вопрос, т. е. положение герцогства Варшавского, образованного Наполеоном из польских областей Пруссии. В своей ранней молодости Александр под влиянием гуманитарных идей XVIII века, привитых ему воспитателем, относился неодобрительно к политике своей Великой бабки относительно Польши. На этой почве и сложились дружеские отношения его к кн. Адаму Чарторыйскому, жившему при дворе Екатерины. Когда Александр стал государем, он проникся надеждой примирить свои гуманитарные идеи с интересами России посредством восстановления свободной Польши под русской державой. До какой степени эта идея укоренилась в уме Александра, показывает Венский конгресс, когда требование Александра уступить ему герцогство Варшавское едва не привело к новой европейской войне.

Ввиду этого возникновение герцогства Варшавского вдвойне тревожило Александра. Оно не только было преградой на пути к его любимому плану, но и грозило непосредственно России. Благодаря вассальным отношениям герцогства к Наполеону, острие французской шпаги коснулось груди Российской империи. Беспокойство и недоверие Александра обнаружилось немедленно после Тильзитского союза, когда русский государь стал настойчиво требовать, чтобы его союзник очистил прусские крепости в Силезии, благодаря которым устанавливался во власти Наполеона непрерывный ряд укреплений от границ Франции до русской границы. Это недоразумение было скоро улажено во время Эрфуртского свидания двух союзных владык. Но уже в следующем году снова проявилось злое значение польского вопроса в отношениях двух союзников. Оправившись после Аустерлица, Австрия воспользовалась тем, что Наполеон отвел в Испанию войска, стоявшие в Германии, — чтобы вступить с ним в новую борьбу. Союз с Наполеоном обязывал Александра выставить против Австрии вспомогательный корпус, который должен был действовать сообща с польской армией герцогства против австрийцев. Но Александр не желал разгрома Австрии и командовавший русским отрядом кн. Голицын действовал так, что можно было принять русских за союзников не Наполеона, а австрийцев. Так, когда поляки из герцогства поспешили занять Краков, оставленный австрийцами, последние дали об этом знать русским, чтобы они могли предупредить своих польских союзников. И потому, когда к воротам крепости подскочил польский авангард, чтобы занять ее именем императора французов, он нашел у запертых ворот русского офицера, объявившего, что ему приказано не впускать поляков.

Мир, заключивший австрийскую войну, еще более разобцил тильзитских союзников. Урезывая владения Австрии, Наполеон решился отнять у нее и со стороны Галиции два миллиона жителей, из которых он почти четыре пятых причислил к герцогству и лишь Тарнопольский повет передал России. Император Александр остался очень недоволен этим усилением герцогства и стал с еще большим недоверием относиться к польским планам Наполеона. Под влиянием этого недоверия он отправил в Париж проект нового договора, по первой статье которого Наполеон обязывался никогда не допускать восстановления самостоятельного королевства в Польше. Наполеон, недовольный способом действий Александра во время австрийской войны и самую форму предложенного договора, долго оставлял без всякого ответа сделанное ему предложение, чем еще более усилил подозрения Александра; наконец ответил, что он мог бы обещать

не содействовать восстановлению польского королевства, но не может обещать не допускать его.

Если указанные два крупные вопроса глубоко захватывали государственные интересы обоих тильзитских союзников, то были и другие поводы к раздору, более личного свойства. Одно из таких дел, лично оскорбившее Наполеона, совпало с упомянутым выше обязательством не допускать восстановления Польши и повлияло на резкую форму отказа с его стороны. Уже в Эрфурте, Наполеон, задумав развестись с Жозефиной, дал понять, что он желал бы породниться с императором Александром. Но его сватовство за великую княжну Екатерину Павловну не получило официального характера. Когда же развод состоялся, Наполеон формально просил руки младшей сестры императора, великой княжны Анны Павловны, тщательно осведомившись о ее возрасте и качествах. Он считал дело очень спешным. Но ответ так затянулся, что Наполеон не дождался его и сделал предложение Австрийскому двору.

К тому же самому году относится повышение Россией тарифа на ввозимые из Франции товары, в особенности на шелковые материи и разные изделия роскоши. Особенно озлобило Наполеона то, что при контрабанде этих предметов они подлежали сожжению. Его раздражал в этом случае не ущерб, который терпели от этой меры французские коммерсанты, но он усматривал в ней умаление престижа Франции и оскорбление, ему лично наносимое. Однако Наполеон, столь щепетильный в своем горделивом гоноре, с своей стороны не воздержался от нанесения тяжелого оскорбления и своему союзнику. Недовольный тем, что английская контрабанда проникает в его владения через береговую полосу северной Германии, Наполеон решил непосредственно включить прилежавшие к ней владения в состав Франции. В числе этих владений было и герцогство Ольденбургское, родовое владение императора Петра III, уступленное младшей линии. Но помимо родства с царствующей в России династией герцог Ольденбургский был и в близком свойстве с императором Александром, так как его второй сын Георгий женился на великой княжне Екатерине Павловне. Несмотря на это, а может быть именно поэтому — из мести, — Наполеон весьма бесцеремонно присвоил себе Ольденбург, откуда герцог должен был уехать, если не хотел сделаться подданным Наполеона. Возбужденные императором Александром переговоры о вознаграждении герцога Наполеон вел крайне неохотно и небрежно. На заступничество за герцога со стороны русского посла в Париже французский министр иностранных дел ответил, что Наполеону в качестве преемника Карла Великого принадлежит суверенная власть над всеми областями Германии

и он в праве распределять их по своему усмотрению. Когда же князь Куракин представил на это письменный протест, французский министр, по приказанию Наполеона, не захотел принять его. Русскому правительству пришлось разослать свою ноту всем державам, как бы обращаясь к суду Европы, в чем Наполеон усмотрел новое для себя оскорбление.

Однако еще задолго до этого император Александр, приходя к убеждению, что вооруженное столкновение с Наполеоном неизбежно, стал укреплять свою западную границу и стягивать к ней войска. Момент для войны казался благоприятным, так как войска Наполеона, стоявшие в Германии, были переведены в Испанию. Но чтобы начать наступательную войну с уверенностью в успехе, для Александра было чрезвычайно важно привлечь на свою сторону поляков герцогства, и император пытался этого достигнуть через Чарторыйского. В случае успеха император обещал дать восстановленной Польше автономию под русским скипетром, с границей на востоке по Двине, Березине и Днепру. Эти тайные сношения однако сделались известны Наполеону и тогда и он стал думать о войне. Три бессонные ночи провел он в глубоком раздумье, после которого решился истратить первые сто миллионов на приготовление к войне. Наступил период вооруженного мира, во время которого личная переписка между императорами продолжалась с открытым признанием возможности войны и в то же время обоюдными уверениями в готовности вернуться к прежним дружественным отношениям.

Наполеон, напомнив все выгоды, извлеченные императором Александром из союза с ним — Финляндию, Дунайские княжества, — заключает свое письмо словами: «Я прошу ваше величество истолковать это письмо в благоприятном смысле и обратить в нем внимание лишь на то, что способно повлиять примирительно, устранить всякое недоверие и восстановить во всех отношениях между обоими народами союз, продолжающийся так счастливо уже четыре года». Возражая пункт за пунктом на соображения Наполеона, император Александр заканчивает свое письмо от 25 марта 1811 г. следующим образом: «Ваше величество имеет полную возможность все так устроить, чтобы сблизить еще теснее, чем прежде, оба государства и сделать разрыв между ними навсегда невозможным. С своей стороны я готов содействовать вам в подобной цели. Я повторяю, что если война будет, то потому, что ваше величество того пожелали. Сделав все, чтобы ее избежать, я тогда сумею сражаться и дорого продать свою жизнь. Если же вы вместо этого хотите признать меня другом и союзником — вы найдете с моей стороны те же чувства преданности и дружбы, которые вы всегда во мне находили. Я также прошу ваше

величество прочитав это письмо с добрым расположением и усмотреть в нем лишь решительное желание уладить дело».

Но и непосредственная переписка между императорами была бессильна восстановить между ними дружеские отношения; их взаимное раздражение росло, а с ним вместе и их воинственные намерения. Правда, на Наполеона еще находило по временам более миролюбивое настроение. Заменяв весной 1811 года своего посла Коленкура Лористонем, Наполеон приказал министру иностранных дел внушить ему, что он желает мира и что пора, чтобы «все это скорей кончилось. Сообщите ему, что все это лишь следствие недоразумения и если Россия не будет двигать войска, то и я прекращу всякие передвижения войск».

Так шло дело до пресловутой аудиенции князя Куракина у Наполеона 15 августа 1811 г. — во время торжественного собрания во дворце по случаю обычного празднования дня рождения Наполеона. Наполеон был взбешен предложением Румянцева вознаградить герцога Ольденбургского выделением ему части герцогства Варшавского и воспользовался аудиенцией, чтобы всенародно излить свой гнев. «Я не так прост, — кричал он, — чтобы думать, что вас занимает Ольденбург, я ясно вижу, что дело идет о Польше... Но не льстите себя надеждой, чтобы я когда-нибудь вознаградил герцога со стороны Варшавы. Вы не получите ни одной деревни, ни одной даже мельницы. Я не думаю о восстановлении Польши; интерес моих народов не связан с этой страной. Но если вы меня принудите к войне, я воспользуюсь Польшей, как средством против вас».

После бурной сцены Наполеон приказал принести себе всю переписку с Россией и с своим министром, герцогом Бассано¹, еще раз взвесил все доводы в пользу мира или войны. Относительно герцогства Варшавского он пришел к выводу, что как политика, так и *честь* требуют его сохранения в полной целостности, т. е. без выделения какой-либо части его в вознаграждение герцога Ольденбургского, как предлагал граф Румянцев.

Во второй части мемуара, продиктованного тогда Наполеоном, рассматривались упреки, делаемые России за повышение пошлин на французские товары и за нарушение блокады, т. е. косвенное допущение английской торговли. Как ни были неприятны Наполеону эти меры, он был того мнения, что они сами по себе не представляют повода к разрыву с Россией. «Жалки государства, которые сражаются из-за частных торговых интересов». Наполеон придавал этим мерам значение лишь потому, что видел в них симптом *сближения* России с Англией, сближения, которое должно будет повести ее к *союзу* с Англией.

В заключение своего мемуара Наполеон пришел к выводу *неизбежности* войны с Россией и с свойственной ему стремительностью тут же определил время ее начала. Он назначил его на июнь следующего года, ввиду того что только во второй половине мая назревает в западной России трава, необходимая для его огромной кавалерии и обоза. Так Рубикон был если не перейден, то намечен твердой рукою Корсиканского Цезаря. Обозрев факторы, которым можно, в большей или меньшей степени приписывать войну двенадцатого года, мы однако еще не упомянули о главнейшем — о *личности* самого Наполеона. В погоне за мнимым реализмом иные исследователи исключают из числа факторов, «от которых зависит основной ход событий и человеческих дел», — самого человека и распространяют этот демократический остракизм даже на Наполеона. Но нельзя себе представить большего абсурда, как замалчивание этой страшной силы, ворвавшейся в историю Европы как раз в тот момент, когда французская революция разрушила перед ней все преграды для ее проявления — этой *parcelle de rocher lancée dans l'espace* («частицы скалы, пущенный в пространство»), как выразился сам о себе Наполеон.

Наполеон классический тип победителя-завоевателя, но не азиатского, разрушителя государств и цивилизаций, а европейского, строителя и созидателя государств. Победа и успехи развили в нем не только прирожденные ему гордость и властолюбие, но и создали в нем особую мораль, отличную от общепринятой. Выше всякой морали он ставил чувство *чести*, как он ее понимал, а *как* он ее понимал, видно из его письма к Лористону по поводу предложения выделить герцогу Ольденбургскому два уезда из герцогства Варшавского. «Для того чтобы принудить меня подписать такое позорное для меня (*déshonorant*) раздробление герцогства, нужно было бы, чтобы русская армия отбросила меня к берегам Рейна». — Наполеон писал это, стоя тогда во главе полумиллионной армии, которую он считал непобедимой. Но замечательно, что точно так же он думал, когда случилось невероятное, и он уже был отброшен в Саксонию. «Ваши государи, — сказал он тогда Меттерниху, — рожденные на престоле, не могут понять моих чувств; после поражения они возвращаются в свои столицы как ни в чем не бывало. Но я, я солдат; я нуждаюсь в чести и славе; я не могу показаться умаленным на глаза своему народу. Мне нужно всегда оставаться великим, покрытым славою и предметом поклонения». Эту наполеоновскую честь необходимо учитывать, чтобы правильно оценить отношение Наполеона к его союзнику. Наполеон понимал союз с императором Александром так, как понимали его римляне, заключая союз с побежденными.

Обязательство, взятое на себя союзником, они считали вечным и несоблюдение его *изменой*, которая каралась беспощадно. Наполеону Россия представлялась *планетой*, которая выбилась из своей орбиты и которую нужно было снова направить на прежний путь, для того чтобы она правильно вращалась около своего центрального светила. Как сильно Наполеон был лично задет препирательствами с русской дипломатией, об этом свидетельствует инструкция Коленкуру, где упоминается, что в годовщину Полтавской битвы император Александр сказал Наполеону: «Вы спасли Россию». «Неужели, — сказано в инструкции, — за эту выдающуюся заслугу император будет принужден воевать с Россией, чтобы спасти свою честь и избежать упрека, что он, на высоте своей славы, допустил то, чего не потерпел бы даже Людовик XV, дремавший в объятиях М-ме дю Бари?»

А в Вильне, уже на походе в Россию, Наполеон воскликнул, обращаясь к своим маршалам: «Неужели Александр думает, что я пришел сюда для пререканий о торговом договоре? Надо покончить с этим северным колоссом, надо его оттолкнуть, надо поставить Польшу между ним и цивилизованным миром». «Если Александру нужны победы, пусть он разбивает персиян, но пусть не вступает в дела Европы. Цивилизованный мир не хочет знать этих северян!» Но не *характер* только крупных исторических личностей должен принимать во внимание историк; еще важнее для него их идеи и жизненные идеалы. Великие личности появляются в истории не из пустого пространства — «не с неба падают», как выразился древний римский историк о патрициях. Они приносят с собой следы далекого прошлого. С ними оживают иногда давно отжившие традиции и снова проявляют присущую им жизненную силу. В этом отношении представляет особенный интерес Наполеон. Уроженец гористого, оторванного от материка острова, сохранившего первобытность характеров и жизненных условий, он был вознесен судьбою к власти над обществом с утонченной цивилизацией, в котором революционная буря снесла все прежние гражданские устои. Он стал владыкой страны, не имея ни отечества, ни национальности. Он был чужим среди окружавшего его мира, но он и не желал слиться с ним, а властвовать над ним. Уже современники Наполеона подмечали в нем что-то чуждое веку. Г-жа де Сталь и Стендаль находили аналогию между ним и мелкими итальянскими тиранами XIV и XV веков. Тэн² углубил эту аналогию, признал сходство между Наполеоном и кондотьерами, основанным на «положительном родстве». Наполеон, по Тэну, происходит от великих итальянцев Ренессанса, людей дела, военных авантюристов, узурпаторов и основателей пожизненных государств; он наследовал в прямой линии их кровь и их природное строение, как умствен-

ное, так и моральное. Отводок от них был еще до наступления века утонченности, духовного обеднения и декадентства — перенесен на сторону, где первоначальный зародыш сохранился в неприкосновенности и дал могучий росток при наступлении благоприятных для него условий.

Но итальянцы — потомки римлян, и Наполеон черпал свои политические идеалы не из эпохи итальянского Ренессанса, а из более свойственной его духу и размаху старины римской империи. Сличая облик Наполеона с бюстами римских цезарей, невольно выводишь и самый род Корсиканского Цезаря из Древнего Рима. Генеалогически этого доказать невозможно. Между ним и римской империей лежит эпоха темного средневековья, где теряется след истории. Восхождение корсиканских Бонапартов можно проследить лишь до Бонапартов Сарцаны (городка близ Генуи), — может быть родственных феодальным сеньорам Буонапарте во Флоренции. Но современников Наполеона поражало его сходство с римскими медалями. Это сходство, выступавшее по мере того, как он стал тучнеть, было искусственно поддержано намеренной, обязательной для художников, стилизацией его портретов и бюстов. Наполеон *хотел* походить на римских Цезарей. Мы можем даже проследить момент, когда идеал римского Цезаря вполне овладел воображением Наполеона. Чем менее он был образован, тем сильнее действовали на него прочтенные им книги. Книга Боссюета «Рассуждение о всеобщей истории» была для него откровением. Когда он прочел у Боссюета, что Цезарь после победы при Фарсале, «стал виден в один миг всему миру», ему показалось, что завеса мира разорвалась сверху до низу и что он увидел шествие богов. «Это видение уже не покидало меня», — сказал Наполеон. Он увидел собственную апотеозу.

Своими завоеваниями Наполеон восстановил Западную Римскую Империю, восстановил ее географически и по духу. В 1809 году пределы Западной Империи и Наполеоновской почти покрывались. Если Наполеону недоставало Британии и северо-западной Африки, то он раздвинул свои границы от Рейна до Вислы и за Вислу и от Дуная до Балтийского моря. Восстановленная Наполеоном империя более напоминала римскую в эпоху ее упадка, чем ее процветания. Несмотря на название она опиралась не на силу римского народа, а на личность императора, дисциплину войска и централизованную бюрократию. Наполеон это хорошо сознавал и гордился этим. «Я римский император, — восклицал он. — Разве не поражает вас, если вы знаете историю, это сходство моего правления с правлением Диоклетиана; эти нити тесной сети, которую я простираю так далеко, эти вездесущие очи императора, этот гражданский авторитет,

который я сумел сохранить во всей силе в империи совсем военного характера». Наполеон был более, чем Диоклетиан; он был Феодосием, можно сказать Юстинианом новой империи. Еще теперь свод законов его имени служит в привислянских губерниях России памятником законодательному творчеству. Он хотел быть даже ее Константином — мечтал о том, чтобы по взятии Константинополя дать ей не только единый закон, но и единую веру, устроив Никейский собор в Галлии.

Но Восток стал уже иным. Его сила была теперь не в Константинополе. Она отлила на север, где восточная церковь пустила новый мощный росток, послуживший корнем для возникновения новой национальной империи. Таким образом, в лице Наполеона и Александра возродился исконный дуализм, лежавший в основе жизни древнего мира — дуализм римской и греческой культуры, западной и восточной церкви, — дуализм, перешедший затем и в Европейскую историю. Однако Наполеона с Александром разделял еще другой, более реальный, антагонизм. Наполеон водрузил свой престол, воспользовавшись силой, созданной революцией в ее борьбе со старой Европой — ее *армией*. Эта огромная волна разлилась по Европе и, по живописному выражению самого уравновешенного из историков революции и способного к широкому пониманию, Сореля, прошла победоносно по ней, но разбилась о древние стены Кремля. Отсюда начинается отлив. Поднимается другая, обратная волна: она также проходит по Европе до Парижа, везде поднимая оживающие нации, и сносит Наполеона. Эта волна носит на себе торжество тех двух принципов, которые уничтожал повсюду Наполеон — легитимизма и национализма. Этими двумя принципами вооружился Александр и обеспечил ими свое торжество над Наполеоном. Поэтому близорукие хулители Александра, которые ставили ему в вину то, что, преследуя Наполеона, он не остановился на Немане, предоставив Европе разделаться с ним как она знает. Александр был прав, когда после взятия Москвы воскликнул: «Не бывать миру с Наполеоном. Он или я, я или он... Мы не можем более царствовать вместе».

Поход императора Александра в Европу не только был неизбежным ответом на вторжение Наполеона в Россию. Он имел еще другое всеобщее историческое значение. Если верно и метко, что Петр Великий «прорубил окно в Европу», то об императоре Александре нужно сказать, что он *ввел* всю Россию в Европу, сделал ее составною органической частью европейского культурного человечества и его истории. Победа императора Александра над Наполеоном и разрушение им Наполеоновской империи замыкает собою тянувшийся через многие века всемирно исторический процесс. Наполеоновская империя была последней — сколько можно судить — попыткой гениального заво-

евателя восстановить над Европой владычество римско-романского империализма.

История человечества в своем течении возбуждает все новые и новые антагонизмы и потом сглаживает их. Дело историков объяснять их возникновение и осмысливать их; поэзия же, озаряя своим сиянием борцов, примиряет с ними потомков. Наполеону в поэзии посчастливилось более, чем на суде истории. Его суровое величие нашло себе сочувственный отзвук в поэзии всех побежденных им народов, а тем паче у национального поэта его главного победителя. Так позвольте же мне вам напомнить великодушные слова этого поэта, обращенные к Наполеону и исполненные такого участия:

Надменный, кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?

А затем обращение поэта к *малодушным* —

Кто в сей день
Безумным возмутят укором
Его развенчанную тень.

